

СКУЧНЫЙ ГЕНРИ

ВСЕХ СПАСЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Лео Заубер

Скучный Генри всех спасёт

<https://litres.ru/74000473>

SelfPub; 2026

Аннотация

Солнечная Калифорния, 1967 год. Пальмы, джаз, океан. Мелкий клерк Генри Маллой живёт скучной жизнью, пока однажды не обнаруживает, что слышит мысли сослуживцев. А через три дня за ним приходят федералы.

Потому что в этом мире Холодная война идёт не за нефть и не за космос. Советские психотронные антенны глушат сознание на сотни миль вокруг. ЦРУ и ФБР грызутся за бюджеты на секретные программы. А способность читать мысли без громоздкого оборудования — это оружие, которого нет ни у кого.

Теперь Генри — дичь. И единственный шанс уцелеть — затеряться среди хиппи, сектантов и торговцев оружием, которые знают о реальном мире больше, чем правительство. Но чем дальше, тем яснее: самые страшные тайны прячутся не в Москве и не в Вашингтоне. А в небе над пустыней Мохаве, где по ночам висят огни, которые не оставляют следов на радарях.

Добро пожаловать в Америку, где любая конспирология — правда.

Содержание

Пролог. В котором я умираю, но это не самое интересное	4
Глава 2. В которой я жалею, что не позавтракал дома	21
Глава 3. В которой я узнаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а бесплатная любовь — в каньоне Топанга	34
Глава 5. В которой я узнаю, что у старого Ларса есть подвал, а у подвала — секрет	60
Глава 6. В которой я теряю почти всё, но приобретаю мотоцикл	68
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Лео Заубер

Скучный Генри всех спасёт

Пролог. В котором я умираю, но это не самое интересное

Я никогда не думал, что умру в Новосибирске.

Нет, правда. Если бы мне сказали за месяц до этого — соберёшь вещи, сядешь в самолёт, долетишь до Сибири, снимешь квартиру на восьмом этаже типовой многоэтажки, а через три дня сгоришь там к чёртовой матери из-за того, что какой-то мудака этажом выше перебрал водки и уснул с сигаретой, — я бы покрутил пальцем у виска. Но судьба, как выяснилось, обладает паршивым чувством юмора.

Меня звали Алексей. В прошлой жизни. Тридцать четыре года, айтишник, командировка, скучная контора, скучный город, скучная квартира с обоями в цветочек, оставшимися от предыдущих жильцов. Вечером третьего дня я сидел на кухне, пил чай и читал какую-то статью про американскую конспирологию шестидесятых — «МК-Ультра», «Проект „Монток“», психотронное оружие, всё такое. Забавное чтиво перед сном. Люди тогда верили в такую чушь. Гигантские антенны, читающие мысли, советские эксперименты по

массовому зомбированию, пришельцы в летающих тарелках, которых сбивают ВВС США, как в дешёвом комиксе. Умора.

Я отложил ноутбук, зевнул и подумал: хорошо, что мы живём в двадцать первом веке и точно знаем — ничего этого не было. Просто паранойя холодной войны. Массовый психоз. Людям страшно — они придумывают врагов. Всё объяснимо.

В этот момент сработала пожарная сигнализация. Вернее, не сработала — она заорала так, что я подпрыгнул на стуле. И почти сразу запахло дымом.

Дальше всё было быстро. Коридор в дыму. Крики соседей. Лестничный пролёт, забитый чёрным удушливым маревом, в котором ничего не видно. Я попытался пробраться вниз, но на пятом этаже понял, что не дышу уже минуту, лёгкие горят, а перед глазами плывут цветные круги. Последнее, что я помню, — пол уходит из-под ног, затылок бьётся о бетонную ступеньку, и мысль, глупая, как всё в такие моменты: «Чай остался недопитым. Жалко».

А потом темнота.

И тишина.

Знаете, что происходит после смерти? Я тоже не знал. Ожидал чего угодно — света в конце тоннеля, голоса умерших родственников, очереди к воротам рая или, на худой конец, просто небытия. Пустоты. Отключения рубильника. Но реальность, как всегда, оказалась гораздо страннее.

Я открыл глаза.

Вернее, не открыл — они уже были открыты. Я лежал на полу в маленькой, тесной квартирке, залитой солнечным светом, и смотрел на потолок с трещиной в форме штата Флорида. Рядом валялся пустой пузырёк из-под таблеток. Во рту стоял вкус химии, как будто я нажевался стирального порошка. Голова гудела, тело не слушалось, а из прихожей доносилось чьё-то монотонное бормотание.

— Ну давай, Генри, давай, не валяй дурака, вставай... Чёрт, ты живой? Генри! Ты меня слышишь?

Я не знал, кто такой Генри. Но почему-то понял, что обращаются ко мне.

Человек, который это говорил, возник в поле зрения через минуту. Круглое лицо, залысины, очки в толстой роговой оправе, мятый пиджак. Он суетился надо мной, брызгал водой из стакана и всё повторял:

— Генри, ты идиот. Ты полный идиот. Кто ж глотает всю упаковку снотворного за раз? Врач сказал — максимум две таблетки! Две, а не двадцать! Если бы я не пришёл проверить...

Я попытался ответить. Из горла вырвался только хрип.

— Воды, — просипел я. Не по-русски. По-английски.

И это было первое, что меня по-настоящему испугало.

Второе пришло позже, когда я кое-как поднялся на ноги, добрался до зеркала в ванной и уставился на незнакомого человека, который смотрел на меня из зазеркалья. Худой. Тёмные, почти черные волосы, Короткие и выующиеся. Когда-то

тёмная кожа потеряла краски и угнетает нездоровой бледностью. Глаза карие, с красными прожилками после отравления. Чужое лицо.

Меня звали Генри Маллой.

Шёл 1967 год.

Где-то за окном шумела Пасадена, штат Калифорния.

Следующие две недели я вспоминал себя. Буквально — по кусочкам, по обрывкам, как собирают рассыпавшуюся мозаику. Это было похоже на пробуждение после очень долгого сна, в котором ты забыл не только, кто ты, но и в каком мире живёшь.

Первые дни были адом. Чужое тело, чужая квартира, чужая жизнь. Я не знал, где лежат носки, не помнил пароль от банковской ячейки, и когда в дверь позвонила какая-то женщина, представившаяся миссис Гринберг из соседней квартиры, я не смог выдать из себя ничего кроме «здрасьте» — хорошо хоть по-английски. Язык пришёлся кстати. В прошлой жизни я неплохо знал английский, работал с иностранными заказчиками, читал техническую документацию. Здесь это оказалось спасением. По крайней мере, никто не заподозрил во мне иммигранта с амнезией.

Потом начали всплывать детали.

Я узнал, что Генри Маллой — мелкий клерк в страховой компании «Pacific Mutual Life». Двадцать пять лет, не женат, детей нет, родители умерли, из родственников — только тёт-

ка в Орегоне, с которой он не общался уже лет десять. Идеальная биография для того, кто не хочет, чтобы в его жизнь лезли посторонние. Или для того, кто случайно занял чужое тело и пытается не спалиться.

Я узнал, что он — вернее, теперь я — был тихим, незаметным человеком. Ни друзей, ни врагов, ни долгов, ни амбиций. Коллеги по офису относились к нему с тем равнодушным пренебрежением, которое приберегают для людей, не способных ни навредить, ни помочь. Мортимер из отдела страхования жизни называл его «наш счётный голем» — за глаза, конечно. Миссис Армстронг, секретарша, вечно требовала перекладывать скрепки по размеру. Больше никому до Генри Маллоя не было дела.

И это меня устраивало. Чем меньше людей лезут в мою жизнь, тем легче притворяться, что я — это я.

Сложнее всего было с памятью тела. Мышцы помнили, как ходить, как держать вилку, как завязывать галстук. Но когда я в первый раз сел за руль «Форда» — чуть не врезался в мусорный бак. Прежний Генри, видимо, неплохо водил, но моему сознанию требовалось время, чтобы договориться с его рефлексам. Я тренировался по ночам, когда улицы пустели. К концу второй недели уже не глох на перекрёстках.

И всё это время меня не покидало странное ощущение. Как будто я попал в декорацию.

Вы когда-нибудь смотрели старые фильмы про будущее, которые снимали в шестидесятых? Ретрофутуризм — так

это называется. Представление людей той эпохи о том, какими будет будущее. Хромированные автомобили, автоматические двери, роботы-пылесосы. В моём времени это выглядело наивно и мило. Но здесь, в 1967-м, мир реально выглядел как такое кино. Я читал газеты, слушал радио, разглядывал рекламные щиты на бульваре Колорадо и постепенно осознавал: этот мир — неправильный.

В моей истории, в моём прошлом, в 1967 году люди готовились к высадке на Луну, слушали Битлз и протестовали против войны во Вьетнаме. Всё это было здесь — но с нюансами. В газетах мелькали статьи про «психотронную угрозу со стороны СССР», и это подавалось не как городская легенда, а как реальная военная доктрина. В Конгрессе шли слушания о финансировании «проектов ментальной обороны». В новостях передавали, что под Иркутском русские запустили новую антенну, способную «воздействовать на мозг на расстоянии до двухсот миль» — и никто не смеялся, никто не называл это бредом. Диктор зачитывал это с тем же каменным лицом, с каким сообщал о курсе доллара.

Сначала я думал, что это просто газетные утки. Жёлтая пресса. Но когда я увидел по телевизору выступление какого-то сенатора, который с абсолютно серьёзным видом требовал увеличить бюджет на «изучение пси-феномена в интересах национальной безопасности», меня пробрал холод.

Это была не шутка. Это была реальность.

Реальность, в которой холодная война шла не за космос и

не за ядерные бомбы — во всяком случае, не только за них. Она шла за то, что происходит внутри человеческой головы. И судя по газетным заголовкам, русские в этом противостоянии немного опережали Штаты — у них уже были гигантские излучатели, у них уже были протоколы массового внушения, а американцы только пытались их догнать.

Я прочитал всё это и подумал: «Господи, да это же просто конспирологический рай. Если бы парни с моих форумов в 2025-м увидели этот мир, они бы захлебнулись слюной».

А потом я подумал: «Но здесь это не конспирология. Здесь это — военные сводки».

Это было первое звоночком. Второй прозвенел, когда я начал слышать мысли.

Но об этом — позже. Сначала нужно рассказать, как я пытался не сойти с ума, работая в страховой компании, где единственным развлечением было считать дни до пятницы и перекладывать бумажки из одной папки в другую. Прежний Генри, видимо, именно от этого и сломался — серая, монотонная жизнь без просвета, без друзей, без цели. Я не винил его за попытку суицида. Я вообще старался о нём не думать — как-то неловко жить в теле человека, который хотел из него выселиться.

Но я собирался жить. Потому что я уже умирал однажды, в задымлённом подъезде новосибирской многоэтажки, и честно вам скажу — ничего хорошего в этом нет. Если уж мне дали второй шанс, пусть даже в чужом теле и в безумной

версии 1967 года, я намеревался его использовать.

Осталось только понять, как.

Глава 1. В которой я учусь завязывать галстук и замечаю странности

Первая неделя в теле Генри Маллоя напоминала попытку собрать пазл, в котором половина деталей от другой коробки, а вторая половина лежит рубашкой вниз, и ты не знаешь, где тут небо, а где трава. Я путался в мелочах. Забывал, на какую полку класть зубную щётку. Вздрагивал, когда в офисе ко мне обращались по имени — не по моему имени. И каждое утро, глядя в зеркало, тратил секунд десять на то, чтобы узнать человека напротив.

С работой, кстати, вышло отдельное приключение.

«Pacific Mutual Life» располагалась в четырёхэтажном здании на бульваре Колорадо — аккуратный фасад, пальмы у входа, кондиционеры в окнах, всё как положено приличной страховой компании в приличном районе. В моё первое утро после возвращения из больницы я стоял на тротуаре перед входом и смотрел на вывеску с таким видом, будто впервые её видел. Что, собственно, было недалеко от истины.

Память прежнего Генри не исчезла полностью. Она лежала где-то на дне, как старая фотоплёнка, которую не проявили. Иногда она подавала признаки жизни: я открывал ящик стола и знал, что скрепки лежат справа, а бланки — слева. Я брал телефонную трубку и пальцы сами набирали внутренний номер отдела выплат. Но это были рефлексy. Мышеч-

ная память. А всё остальное приходилось додумывать по ходу дела.

К счастью, работа у Генри была не самая сложная. Актуарные таблицы, расчёт страховых взносов, сверка данных. Цифры. Много цифр. В прошлой жизни я был айтишником, и с цифрами у меня отношения были ровные — не любовь, но взаимное уважение. Так что к концу первой недели я уже довольно сносно изображал полезного сотрудника.

Коллеги, впрочем, не особо присматривались.

Мортимер Кларк, мой непосредственный начальник — лысеющий мужчина лет сорока пяти с вечно испачканным кофе галстуком — относился к Генри с той смесью безразличия и снисходительности, которую обычно приберегают для офисной мебели. Пока я выдавал цифры вовремя, он не задавал вопросов. Его мысли — я тогда ещё не мог их слышать, но уже чувствовал, как что-то назревает — были заняты предстоящим гольф-турниром в субботу и тем, как бы списать туда годовой абонемент в представительские расходы.

Миссис Армстронг, секретарша из отдела выплат, была хуже. Маленькая женщина с причёской-башней и голосом, от которого молоко сворачивалось за три мили, она вела тихую войну против всех, кто, по её мнению, покушался на её территорию. А её территорией было всё — от скрепок до расположения стульев в комнате отдыха. Когда я в первый день переложил папку с бланками на соседнюю полку, она

посмотрела на меня так, будто я справил нужду в горшок с её любимым фикусом.

— Мистер Маллой, — процедила она, и в этом «мистер» было столько яда, что хватило бы на батальон крыс, — форма 44-Б лежит здесь. И лежала здесь с 1964 года. Вы что, забыли?

Я не забыл. Я просто не знал. Но говорить об этом было нельзя.

— Прошу прощения, миссис Армстронг, — ответил я, возвращая папку на место. — Задумался.

Она фыркнула и удалилась, цокая каблучками по линолеуму. Я проводил её взглядом и впервые почувствовал это — слабый, едва уловимый импульс, как дуновение ветра. Не мысль. Эмоция. Раздражение, смешанное с чувством превосходства и чем-то ещё... чем-то похожим на голод. Миссис Армстронг наслаждалась своей маленькой властью над офисным планктоном. Это был её наркотик.

Тогда я списал это на интуицию. Психология, чтение мимики, язык тела — всё то, что я изучал в прошлой жизни по книжкам в мягкой обложке. Я же айтишник, мы вообще склонны к анализу. Никакой мистики.

К среде второй недели я почти поверил, что у меня получается.

Почти.

Первая странность случилась в четверг.

Я сидел за своим столом, просматривал отчёты по страхованию недвижимости за июнь, и краем глаза заметил, что Мортимер в своём закутке за стеклянной перегородкой разговаривает по телефону. Трубка прижата к уху, губы шевелятся, но слов я едва слышал. Но и не прислушивался.

И вдруг — я не знаю, как это описать, — в голове всплыла фраза:

...если эти идиоты из головного офиса опять урежут бюджет на третий квартал, я лично поеду в Сан-Франциско и воткну этот отчёт им в...

Я моргнул. Посмотрел на Мортимера. Тот всё ещё говорил по телефону, но его рот произносил совсем другое:

— Да, сэр, я полностью понимаю вашу позицию. Мы подготовим необходимые документы в кратчайшие сроки.

Совпадение. Наверное. Я сам додумал, что он мог бы злиться на головной офис — у них вечно тёрки из-за бюджета. Я вернулся к отчётам.

Через час, когда я проходил мимо кофейного автомата, миссис Армстронг разговаривала с Дороти из бухгалтерии. Они стояли ко мне спиной, голоса были приглушены. Я не слышал ни слова.

...и пусть только попробует переложить мои папки ещё раз, я ему такой ад устрою, мало не покажется, он у меня будет с кофе бегать за мной до пенсии...

Я замер с чашкой в руке.

Это было не совпадение. Я смотрел в затылок миссис

Армстронг и слышал её мысли. Не голос. Не слова. Какой-то сгусток смысла, который сам собой облекался в слова у меня в голове.

Я медленно поставил чашку на поддон автомата. Руки немного дрожали. Сердце колотилось где-то в районе горла. Я попытался вспомнить, не было ли у прежнего Генри Маллоя в анамнезе шизофрении, но память услужливо подсказала: медицинская карта чистая. Никаких психических заболеваний. Никаких отклонений. Обычный, скучный, здоровый клерк.

— Мистер Маллой? — Дороти обернулась и заметила меня. — У вас всё в порядке? Вы побледнели.

— Да, — сказал я. — Да, всё хорошо. Просто не выспался.

— Ну-ну, — миссис Армстронг поджала губы.

— В вашем возрасте нужно следить за режимом.

Я кивнул, взял кофе и вернулся за свой стол.

Оставшуюся часть дня я провёл в состоянии, близком к панике. Я пытался убедить себя, что это галлюцинации. Последствия отравления снотворным. Неврологический сбой. Что угодно. Но каждый раз, когда мимо проходил кто-то из коллег, в голове вспыхивал обрывок чужой мысли — короткий, яркий, как искра от костра.

Мортимер думал о гольфе. Дороти — о том, что муж опять забыл оплатить счёт за электричество. Миссис Армстронг — о том, что я слишком подозрительно тихий и не пора ли проверить мой ящик стола на предмет нарушений.

Я слышал их.

К концу рабочего дня у меня разболелась голова — так, словно кто-то затянул вокруг черепа стальной обруч. Я кое-как досидел до пяти, собрал бумаги, попрощался с Мортимером (он буркнул что-то неразборчивое) и вышел на улицу.

Свежий воздух немного помог. Я постоял у входа, глядя, как солнце клонится к закату над горами Сан-Габриэль, и попытался привести мысли в порядок.

Итак. Я нахожусь в теле человека, который пытался покончить с собой. Я живу в 1967 году, который выглядит как декорация к фильму про альтернативную историю. Я начинаю слышать мысли людей. И, судя по тому, как быстро это прогрессирует, к выходным я буду читать их, как газету.

Что дальше? Летающие тарелки? Советские психотронные пушки? ЦРУ под дверью?

Я усмехнулся про себя и двинулся к парковке, где меня ждал старенький «Форд». В голове шумело, виски ломило, и больше всего на свете хотелось лечь в горячую ванну и забыть этот день как страшный сон.

Но я уже знал — что-то мне подсказывало, — что это только начало.

В пятницу я взял больничный.

Не потому что болел. Потому что нужно было время подумать. В моём распоряжении была пустая квартира, тишина и три дня до понедельника, чтобы понять, что со мной

происходит и как с этим жить.

Квартира Генри Маллоя находилась в двухэтажном доме на тихой улочке в пригороде Пасадены. Две комнаты, кухня, ванная, гостиная с телевизором «Зенит» и радиоприёмником «Филко». Вся мебель — пятидесятых годов, добротная, но скучная, как похоронное бюро. На стенах — ни одной картины. На полках — ни одной книги, кроме телефонного справочника и инструкции к тостеру. Прежний Генри жил здесь как съёмщик в гостинице — безлико, временно, словно не рассчитывал задержаться.

Теперь я понимал, почему.

Если бы моя жизнь состояла из актуарных таблиц, миссис Армстронг и одиночества, я бы тоже глотал снотворное пачками.

Я провёл пятницу, слушая радио и пытаясь контролировать свою новую способность. Это было похоже на настройку приёмника, о чём я уже говорил. Сперва — белый шум. Потом, если сосредоточиться, можно было выделить отдельные голоса. Миссис Гринберг за стеной думала о том, что её сын давно не звонил. Мистер Паттерсон с первого этажа размышлял, не продать ли машину. Где-то дальше, в доме через улицу, молодая пара спорила о деньгах — мысли у них были громкие, злые, я улавливал их даже не напрягаясь.

К вечеру я научился приглушать этот поток. Не выключать совсем — это пока не получалось, — но делать потише. Как будто крутил ручку громкости на старом приёмнике.

Ещё я заметил интересную вещь. Мысли людей — это не слова. Это... образы. Эмоции.

Сгустки смысла. Слова появляются потом, когда мой собственный мозг пытается перевести их в понятную форму. Мортимер не думает фразой «я хочу поиграть в гольф». Он видит лунку, клюшку, мяч — и испытывает удовольствие вперемешку с тревогой, что не попадёт в цель. А мой мозг уже подставляет слова.

Любопытно. В прошлой жизни я читал статьи про нейролингвистику. Интересно, как бы тамошние учёные объяснили это? Наверное, никак. Скорее всего, просто упрятали бы меня в психушку и забыли.

В субботу я провёл первый серьёзный эксперимент.

Я сидел в гостиной, смотрел в стену и пытался послать мысль соседке. Не прочитать, а передать.

Миссис Гринберг была на кухне — я слышал её слабый сигнал, она перебирала рецепты. Я представил себе простую команду, не агрессивную что-нибудь безобидное.

..Вы хотите пить. Вам нужно выпить воды..

Я повторял это раз за разом, концентрируясь изо всех сил, пока голова не загудела. Ничего не произошло — миссис Гринберг продолжала перебирать рецепты, потом включила воду — но чтобы вымыть руки, а не попить.

Я выдохнул и откинулся на спинку дивана. Не работает. По крайней мере, пока. Может, и к лучшему. Идея о том, что я могу залезать людям в головы с командами, пугала меня

не меньше, чем идея о ЦРУ под дверью.

В воскресенье у меня был выходной от экспериментов. Я просто гулял по городу, смотрел на пальмы, на прохожих, на витрины магазинов, стараясь не вслушиваться в их мысли. Это было трудно, как не смотреть на экран включённого телевизора, но я справлялся. Пасадена 1967 года была красива в своей послевоенной провинциальности. Чистые тротуары, ухоженные газоны, автомобили с хромированными бамперами. Если не вчитываться в газеты и не смотреть новости, можно было представить, что это просто обычный американский город.

Но я уже знал, что это не так.

В воскресенье вечером, лёжа в постели и глядя в потолок с трещиной в форме Флориды, я подводил итоги.

Я слышу мысли. Пока не идеально, но прогресс налицо. Я не могу передавать команды. По крайней мере, не получается на трезвую голову. Мир вокруг меня немного сумасшедший — психотронные антенны, холодная война за мозги, и никому до этого нет дела, потому что все заняты своими маленькими трагедиями.

И самое главное: я не знаю, почему я здесь.

Это был самый неприятный вопрос. Переселение душ? Эксперимент инопланетян? Галлюцинация умирающего мозга, растянутая на недели? Я прокручивал в голове все варианты, и ни один не казался убедительным. В моём мире люди не переселялись в тела американских клерков из ше-

стидесятых. Там вообще не происходило ничего сверхъестественного — по крайней мере, официально.

Здесь, похоже, правила были другими.

В понедельник утром я надел свежую рубашку, завязал галстук (уже почти не глядя в зеркало), выпил кофе и поехал на работу. За окнами «Форда» проплывала сонная Пасадена, радио играло джаз, и я почти убедил себя, что всё под контролем. Просто ещё одна неделя в офисе. Просто ещё один день с цифрами и миссис Армстронг.

А потом я заехал в закусочную «У Фрэнка» позавтракать.

И всё пошло к чёрту.

Глава 2. В которой я жалею, что не позавтракал дома

В понедельник утром Пасадена выглядела как открытка, которую забыли отправить. Солнце только-только поднялось над горами Сан-Габриэль, пальмы отбрасывали длинные тени на бульвар Колорадо, а воздух был прозрачным и чуть сладковатым — не то от цветущих апельсиновых деревьев, не то от выхлопов моего «Форда». Я ехал на работу с твёрдым намерением держать свою маленькую особенность под контролем. Никаких экспериментов в офисе. Никакой прослушки чужих мыслей. Просто актуарные таблицы, просто цифры, просто обычный понедельник.

Получалось, надо сказать, не очень.

Выходные не прошли даром. За два дня тренировок в пустой квартире я научился худо-бедно приглушать фоновый шум — тот самый белый гул чужих сознаний, который поначалу казался мне радиопомехами. Теперь, когда я шёл по улице или сидел в офисе, он не давил на мозг так сильно. Я мог сосредоточиться, мог даже почти забыть о нём. Почти.

Но были моменты, когда чужая мысль пробивалась сквозь фильтры, как сигнал тревоги сквозь музыку в ночном эфире. Короткая, яркая, неожиданная.

...ненавижу понедельники...

Я скопил глаза на водителя в соседнем ряду — мужчина в шляпе, за рулём «Шевроле». Его губы были плотно сжаты. Он не пел, не разговаривал, не шевелил губами. Но я слышал.

...ещё пять дней до пятницы, пять дней этого дерьма, а потом напьюсь...

Я вздохнул и прибавил громкость радио. Джаз, кажется, Телониус Монк. Ритмичные, рваные ноты фортепиано немного перебивали чужие сигналы. Я заметил, что музыка помогает — не глушит полностью, но хотя бы отвлекает — надо будет запомнить этот приём.

В офис я вошёл ровно в восемь сорок пять, за пятнадцать минут до начала рабочего дня. Привычка, оставшаяся от прежнего Генри — или, может, моя собственная, из прошлой жизни, где опоздания карались выговором от начальства. Мортимер ещё не приехал. Миссис Армстронг уже была на месте — она сидела за своей конторкой с таким видом, будто ночевала там, ни разу не сомкнув глаз и ни на секунду не ослабив бдительности.

— Доброе утро, миссис Армстронг, — сказал я, проходя мимо.

— Доброе, — отозвалась она, не поднимая глаз от бумаг. ...кофе опять холодный, Дороти вечно выключает подогрев, придётся идти жаловаться Фрэнку из техобслуживания...

Я проглотил усмешку и прошёл к своему столу. Значит,

её мысли о холодном кофе — не обо мне — уже легче. В прошлый четверг и пятницу мне казалось, что она думает исключительно о том, как бы меня уволить, утопить в кофейном автомате или скормить степлеру. Но нет — у миссис Армстронг была своя жизнь, свои маленькие трагедии, и я в них занимал почётное место где-то между мебелью и канцелярскими принадлежностями.

Я сел, включил настольную лампу, разложил бумаги. Утро катилось по привычной колее. Актуарные таблицы по страхованию жилья в Пасадене за второй квартал. Расчёты, сверки, поправки. Цифры плыли перед глазами, и на какое-то время я даже забыл о том, что со мной происходит. Просто работа, просто рутина, просто винтик в большой машине «Pacific Mutual Life», который делает свою работу и не задаёт вопросов.

До десяти утра всё шло хорошо.

А потом я услышал Мортимера.

Он сидел в своём закутке за стеклянной перегородкой, листал какой-то отчёт и говорил по телефону. Я бы не обратил внимания — начальники вечно говорят по телефону, на то они и начальники, — но его мысль пробилась сквозь мои фильтры с такой силой, что я чуть не выронил ручку.

...проклятые бюрократы из Сан-Франциско, если они опять урежут бюджет на четвёртый квартал, я лично поеду туда и воткну этот отчёт им в задницу, вместе с папкой и стальной скрепкой...

Я поднял голову. Мортимер говорил в трубку:

— Да, сэр, я полностью разделяю вашу озабоченность. Разумеется, мы подготовим все необходимые документы в кратчайшие сроки.

Его голос был ровным, почти подобострастным. Но то, что творилось у него в голове, больше напоминало сцену из фильма ужасов с элементами скотоложества и канцелярскими принадлежностями. Я моргнул, отвёл глаза, попытался вернуться к таблицам.

И снова — чужая мысль. Ещё одна — с другой стороны офиса.

...платят копейки, как собакам, а требуют как с директоров банка, будь оно всё проклято, вот бы уволиться и уехать во Флориду...

Это Дороти из бухгалтерии. Я узнал её сигнал — за прошлую неделю я научился различать людей по «почерку» их мыслей. У Дороти мысли были вязкие, как сироп, с оттенком хронической усталости. У миссис Армстронг — острые, колючие, быстрые. У Мортимера — густые, полные подавленной агрессии.

...интересно, у нового клерка из отдела страхования жизни жена симпатичная или так себе, надо бы глянуть на фотокарточку, которую он на стол поставил...

Я не знал, кто это. Какой-то парень из соседнего отдела. Его сигнал был тусклым, едва различимым — он, видимо, сидел дальше всех от меня.

Я потёр виски. В субботу мне казалось, что я контролирую ситуацию. В воскресенье — что у меня почти получается. Сейчас, в офисе, где вокруг было два десятка человек с гудящими, жужжащими, вибрирующими мозгами, я чувствовал себя дирижёром оркестра, который забыл партитуру.

Надо было брать ещё один больничный.

Но я не взял. И к обеду случилось то, к чему я был совершенно не готов.

В двенадцать я вышел из офиса и направился в закусочную «У Фрэнка». Это была моя маленькая традиция, унаследованная от прежнего Генри: по понедельникам он всегда завтракал вне офиса. Точнее, обедал. Или делал вид, что завтракает, когда на самом деле уже обед. Неважно, важно то, что в закусочной я оказался именно в понедельник, именно в полдень, и именно там всё полетело к чёртовой матери.

Я вошёл, звякнул колокольчик над дверью, и меня накрыло волной.

В прямом смысле — волной. Как будто я нырнул в бассейн с чужими мыслями, и они сомкнулись над головой. В офисе я сидел на одном месте, люди вокруг были одни и те же, их сигналы стали привычными. Здесь же была толпа — десять, пятнадцать, двадцать незнакомых сознаний, и все они вещали одновременно, на разных частотах, с разной громкостью.

...добавить бекона в омлет, Марта говорила меньше жирного, но к чёрту Марту...

...опаздываю на пятнадцать минут, старый козёл опять будет орать, надо было сказать что автобус сломался...

...волосы как золото, господи, посмотри на эти руки, она берёт кофейник, я сейчас умру...

...опять этот тип из угловой кабинки пялится, симпатичный вообще-то, но жуткий...

...котлета подгорает, чёрт, перевернуть, где лопатка...

Я замер на входе, вцепившись в дверную ручку. Перед глазами плыло. Звуки реального мира — звон посуды, гул голосов, шипение плиты — смешивались с внутренним хором, и я на секунду перестал понимать, где заканчиваюсь я и начинаются они.

Это было похоже на плохой трип. Я никогда не принимал ЛСД — ни в этой жизни, ни в прошлой, — но читал достаточно, чтобы представить: границы личности размываются, ты перестаёшь быть собой, ты становишься всеми сразу, и это сводит с ума.

Я глубоко вдохнул. Задержал дыхание.

Выдохнул.

Так. Соберись. Ты Алексей, тридцать четыре года, айтишник из 2025-го, и ты сейчас в теле американского клерка, который слышит мысли. Это не шизофрения. Это... какая-то другая хрень. Но ты справишься. Ты же справлялся с налоговой в две тысячи двадцатом, хотя у начальства были серые операции? Справишься и здесь.

Я отпустил ручку, выпрямился и прошёл к свободной ка-

бинке. Сел, положил руки на стол, закрыл глаза на пару секунд. В голове постепенно прояснялось. Я снова настроил фильтры, приглушил громкость, отделил чужие сигналы от своих мыслей. Получалось с каждым разом всё лучше. Кажется, эта способность тренируется, как мышца.

Ко мне подошла официантка. Молодая, светлые волосы, усталые глаза. Та самая, которую парень из угловой кабинки провожал мыслями. Я заказал кофе и сэндвич с тунцом. Она кивнула, черкнула в блокноте и ушла.

...устала как собака, ещё шесть часов, потом домой, снять туфли, включить телевизор...

Я усмехнулся — люди везде одинаковы. В 1967-м, в 2025-м, в Калифорнии, в Новосибирске. Работа, усталость, телевизор. Меняются декорации, но не сценарий.

Я сделал глоток кофе. И в этот момент что-то изменилось. Сперва я не понял, что именно. Просто фоновая музыка в голове — этот привычный гул чужих сознаний — вдруг стихла. Не приглушилась, как когда я сам выкручивал ручку громкости, а именно стихла. Как будто кто-то щёлкнул выключателем.

В закускойной наступила тишина.

Не снаружи — снаружи по-прежнему звенела посуда, гудели лампы, Фрэнк у плиты ругался на подгоревшую котлету. Тишина была внутри. Там, где только что звучал многоголосый хор, теперь была пустота.

Я поднял голову и увидел их.

Двое — мужчины в серых костюмах, белые рубашки, узкие галстуки, шляпы низко надвинуты на лоб. Лица — стёртые, никакие, как будто их рисовали под копирку и забыли добавить деталей. Один стоял у входа, загораживая дверь. Второй медленно шёл между столиками, не глядя по сторонам, но каким-то образом видя всё.

Я потянулся к ним своим новым чувством — и наткнулся на стену.

Нет, не стену — пустоту. Радиоэфир на их частоте был забит белым шумом, шипением. Как старый телевизор, когда заканчивается вещание и остаётся только рябь на экране.

...шшшш... квадрат семь-четыре, объект визуально подтверждён... шшшшш... мужчина, лет двадцать пять, соответствует описанию... шшшшш...

Обрывки, цифры, кодовые фразы и этот звук — не мысль, не голос, а что-то механическое, как будто у них в головах работала аппаратура.

Я медленно отставил чашку. Сердце бухало где-то в горле, но внешне я оставался спокоен. Спасибо годам работы в режиме аврала и дедлайнов. Когда у тебя на плечах полусдохший сервер, а заказчик орёт в трубку, ты учишься не показывать панику.

Тот, что проходил между столиками, остановился. Он смотрел в окно, на парковку, где стоял мой «Форд». Но я чувствовал — чувствовал без всякой телепатии, простым животным чутьём, — что его внимание приковано ко мне.

— Мистер Маллой?

Голос. Ровный, спокойный, без единой эмоции. Тот, что стоял у входа, сделал шаг вперёд.

— Мистер Маллой, — повторил он. — Федеральное бюро расследований. Мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

ФБР. Я чуть не рассмеялся. Даже не ЦРУ, не какая-нибудь сверхсекретная контора с аббревиатурой из пяти букв, а просто ФБР. Обычные федералы. Я, конечно, в прошлой жизни читал про МК-Ультра и про то, как спецслужбы охотились за экстрасенсами, но одно дело читать в интернете в 2025 году, и совсем другое — сидеть в закуской в 1967-м и видеть, как эти парни идут к твоему столику.

Я лихорадочно соображал. Как они меня нашли? В пятницу я обратился в клинику на Эль-Молино с головными болями. Идиот. В субботу и воскресенье сидел дома и тренировался читать соседей. Сегодня понедельник. От клиники до ФБР — три дня. Быстро работают, сволочи. Значит, у них уже есть система: протоколы, списки подозрительных обращений. Может, врачи обязаны сообщать о пациентах с внезапными неврологическими симптомами. Может, моя фамилия засветилась в каком-нибудь реестре, и алгоритм — или клерк, вроде меня самого, — поставил галочку напротив графы «потенциальный пси-актив».

Теперь я знал точно: я не первый такой — они делали это раньше, у них есть опыт.

Я положил на стол доллар и поднялся. Медленно. Без резких движений.

— Прошу прощения, джентльмены, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Мне нужно в туалет.

Я знал, что там есть чёрный ход. Не спрашивайте откуда — может, рефлекс прежнего Генри, может, просто видел однажды. План здания, пожарный выход, переулок за закусочной. Я двинулся в сторону служебной двери, и в этот момент агент у входа сделал шаг, чтобы меня перехватить.

— Стоять! — рявкнул он.

Я не остановился. Я побежал.

Толкнул дверь с табличкой «Только для персонала», влетел в коридор, по пути опрокинув стопку пустых ящичков из-под пива, и вывалился через чёрный ход в переулок. Сзади хлопнула входная дверь закусочной — кто-то из агентов выскочил наружу.

Воздух в переулке пах помойкой и прогорклым маслом. Я бежал, не оглядываясь, и лёгкие начали гореть уже через полквартиры. Спасибо сидячей работе и полному отсутствию физической активности. В прошлой жизни я хотя бы в спортзал иногда ходил — в этой, видимо, прежний Генри считал спорт излишеством.

Сзади раздавались шаги. Тяжёлые, размеренные. Агент бежал быстрее меня.

И тогда это случилось.

То, что не получалось у меня в субботу с миссис Гринберг.

То, что я безуспешно пытался сделать два дня. То, что казалось мне невозможным в трезвом состоянии и при полном контроле.

Я обернулся.

Агент был в десяти метрах позади. Он выставил руку вперёд, его рот открывался для следующего окрика. Наши глаза встретились.

И я ударил.

Не кулаком. Не голосом. Не физически. Я ударил туда, в эту пустоту, забитую белым шумом и обрывками кода. Я собрал весь свой страх, всю панику, всю энергию, которая кипела во мне последние четыре дня, и вложил в одну простую команду.

... Ты ничего не видел. Ты уходишь. Прямо сейчас. ...

Я не думал о том, как это работает. Я не думал о том, правильно ли формулирую. Это было инстинктивно. Как дышать. Как моргать. Как кричать, когда больно.

Агент замер.

Его рука безвольно упала. Лицо обмякло, как будто кто-то выключил свет внутри его черепной коробки. Из носа тонкой струйкой потекла кровь — тёмная, почти чёрная в тусклом свете переулка. Он развернулся и медленно, негнущейся походкой, пошёл обратно.

Я не стал ждать. Переулок вывел меня на бульвар Колорадо, я смешался с толпой прохожих и через минуту уже сидел в своём «Форде». Руки дрожали так, что я трижды промах-

нулся ключом мимо зажигания.

Двигатель завёлся с третьего раза.

Я вырулил с парковки и направился не домой — дома меня будут ждать уже через час, — а к шоссе. Мне нужно было место, где можно спрятаться. Место, где людей мало, а фонового шума много. Каньоны. Хиппи. Те, о ком я читал в местных газетах — «Дети Солнца», «коммуна в Топанге», все эти ребята, которые сидят на кислоте и слушают Битлз задом наперёд. Если верить слухам, их там целые поселения. И плевать они хотели на федералов.

Я выехал на шоссе и утопил педаль газа.

Где-то позади остался переулок с агентом, который сейчас приходил в себя и не понимал, почему у него идёт кровь из носа. Где-то позади осталась закусовая «У Фрэнка» с моим недоеденным сэндвичем. Где-то позади осталась моя старая жизнь — вернее, жизнь Генри Маллоя, клерка страховой компании, тихого винтика в большой машине.

А где-то впереди был Лос-Анджелес, Тихий океан и полная неизвестность.

Я включил радио. Поймал волну джаза.

Колтрейн играл «A Love Supreme» — длинную, завораживающую композицию, которая звучала как гимн чему-то непостижимому. Я прибавил громкость, чтобы заглушить шум в голове, и подумал, что теперь моя жизнь изменится навсегда.

Потом я подумал о другом. О том, как агент замер и пошёл

обратно. О том, как кровь текла из его носа. О том, что я только что влез в чужую голову и приказал.

И это сработало.

В субботу я не смог внушить соседке желание выпить воды. В понедельник я внушил федеральному агенту, что ему нужно забыть о моём существовании. Разница, видимо, была в мотивации. Или в уровне адреналина. Или в том, что агент был ослаблен своей собственной глушилкой.

В любом случае, это пугало меня до чёртиков.

Но ещё больше меня пугало то, что где-то внутри — где-то глубоко, в той части души, которую я не хотел признавать, — мне это понравилось.

Я гнал эту мысль прочь всю дорогу до каньонов.

Получалось не очень.

Глава 3. В которой я узнаю, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, а бесплатная любовь — в каньоне Топанга

До каньона Топанга я добрался уже затемно.

«Форд» пыхтел на серпантине, фары выхватывали из темноты корявые дубы и щиты с рекламой придорожных мотелей. Воздух стал суше, горячее, пахло шалфеем и пылью. Где-то внизу остался Лос-Анджелес — море огней, растёкшееся по побережью, как ртуть из разбитого градусника. А здесь, наверху, было темно, тихо и тревожно.

Я вел машину одной рукой, второй потирал висок. Голова всё ещё гудела после инцидента в закусочной. Тот ментальный удар по агенту дорого мне обошёлся — как будто я пробежал марафон, не вставая с дивана. Мышцы ныли, перед глазами иногда плыли цветные пятна, а чужие мысли стали доноситься как сквозь вату. Может, способность имеет ограничения. Может, я просто выдохся. В любом случае, повторять эксперимент в ближайшее время не хотелось.

Я искал коммуну «Детей Солнца» по обрывочным слухам. В офисе «Pacific Mutual» как-то болтали о них — Мортимер назвал их «сбродом наркоманов и дезертиров», миссис

Армстронг добавила что-то про «позор нации», а Дороти, краснея, шепнула про «свободную любовь». Из всего этого следовало, что место это — дыра, но дыра укромная, где не задают лишних вопросов. То, что нужно человеку, которого разыскивает ФБР.

Ориентиром мне служил покосившийся указатель «Ранчо «Небеса»» — я свернул с шоссе на просёлочную дорогу, проехал ещё милю и упёрся в некое подобие ворот. Две автомобильные покрышки, подвешенные к столбам. На одной кто-то вывел белой краской: «Добро пожаловать, если у тебя добрые вибрации». На второй: «Посторонним — вон».

Я припарковался у ворот и вышел. Ночь пахла марихуаной. Серьёзно — такой густой, сладковатый дым, что можно было накуриться просто стоя на месте. Где-то в глубине каньона били барабаны бонго. Ритм был неровный, сбивчивый, как сердцебиение пьяного. Им подпевала гитара — тоже фальшиво, но с душой.

— Эй! — крикнул я в темноту. — Есть кто живой?

Барабаны смолкли. Гитара взяла прощальный аккорд и затихла. Из кустов на меня уставились три пары глаз.

— Ты коп? — спросил один из них. Голос молодой, но сиплый, как будто парень сорвал его, споря с кем-то.

— Нет, — сказал я.

— А похож на копа, — заметил второй. — Рубашка, галстук. И стрижка эта. Фу.

— Я не коп. Я... путешественник. Ищу место для ночлега.

Глаза переглянулись. Кусты зашевелились, и на дорогу выбрались трое. Две девушки и парень. На вид — лет по двадцать, не больше. Одежда — пёстрое тряпье, бусы, фенечки, волосы до плеч. У парня на лбу была нарисована какая-то руна, у одной девушки щека разукрашена блёстками, вторая куталась в мексиканское пончо и смотрела на меня с откровенным подозрением.

— Путешественник, — протянула та, что с блёстками. — А зовут тебя как?

— Генри.

— Генри, — она попробовала имя на вкус и скривилась. — Скучное имя. Ты скучный, Генри?

— Очень, — честно ответил я.

Это их развеселило. Парень хохотнул, показав щербатые зубы. Девушка в пончо фыркнула.

— Ладно, скучный Генри, — сказала она. — У нас тут коммуна. Если хочешь остаться, нужно поделиться. У тебя есть деньги?

Я полез в карман, достал две двадчатки. Она взяла их, не считая, и сунула куда-то в складки пончо.

— И ещё, — добавила она. — У нас правило. Никаких галстуков. Галстуки — это петля, которую система надевает на твою душу. Понял?

Я снял галстук и бросил его в пыль. Девушка в пончо одобрительно кивнула.

— Теперь другое дело. Пошли.

Коммуна «Детей Солнца» оказалась не тем, что я ожидал.

В моём представлении, почерпнутом из книг и фильмов прошлой жизни, хиппи были эдакими добрыми чудаками — пацифисты, вегетарианцы, дети цветов. Реальность, как всегда, оказалась грязнее. Ранчо «Небеса» представляло собой с десяток раздолбанных трейлеров, несколько палаток и большой дощатый барак с самодельной крышей. Повсюду валялся мусор: пустые бутылки, консервные банки, окурки, какие-то тряпки. Пахло дымом, немытыми телами и всё той же марихуаной.

Народу было человек двадцать, и все они пребывали в разной степени невменяемости. Кто-то лежал в гамаке, глядя в небо остекленевшими глазами. Кто-то сидел у костра и что-то напевал себе под нос. Пара человек спорили о чём-то — судя по обрывкам мыслей, которые я ловил, о том, чья очередь мыть посуду (спойлер: посуду не мыл никто). В углу палатки двое занимались любовью, не обращая внимания на окружающих.

Свободная любовь, чтоб её.

— Вот твой угол, — девушка в пончо, которую, как выяснилось, звали Вельвет, указала на свободный матрас в бараке. — Туалет — за сараем, вода — из колонки, еда — когда приготовим. Если хочешь жрать, помогай готовить. Если хочешь курить — делись. Если хочешь любви — спрашивай разрешения. У нас коммуна, а не бордель. Понял?

Я кивнул. Она постояла ещё секунду, разглядывая меня с тем же подозрением, и ушла.

Я сел на матрас и огляделся. Барак освещался керосиновыми лампами. Стены были завешаны плакатами: Джими Хендрикс, «Битлз», какой-то индийский гуру с гирляндой из цветов на шее. В углу стоял старый проигрыватель, рядом — стопка пластинок. «The Doors», «Jefferson Airplane», «Grateful Dead». Музыкальное сопровождение моего падения на дно.

Ко мне подсел парень, которого я видел у ворот. Тот самый, со щербатыми зубами. Представился как Ривер.

— Ты откуда сбежал, Генри? — спросил он, ухмыляясь.
— От жены? От армии? От долгов?

— От всего понемногу, — ответил я.

— Хороший ответ. А чё по башке? Ты странный. Я такие вещи чувствую.

Я насторожился. Неужели и здесь есть кто-то с особенностями? Но нет — Ривер просто был накурен. Его мысли текли медленно, лениво, пересыпанные обрывками образов: огонь, бусы, женская грудь, снова огонь.

— Просто устал, — сказал я. — Долгая дорога.

— Понимаю. — Ривер хлопнул меня по плечу и протянул самокрутку. — Дерни. Помогает расслабиться.

Я взял самокрутку. Покрутил в пальцах. В прошлой жизни я не курил траву. Но в прошлой жизни за мной не гонялись федеральные агенты с глушилками в зубах. Я затынулся.

Дым был горьким и обжигал горло. Я закашлялся, Ривер засмеялся, а мир вокруг слегка поплыл. Не так, как в закуской, — без паники, без шума. Просто краски стали ярче, звуки — глубже, и чужие мысли, которые я из последних сил держал за барьером, немного отступили. Как будто трава смазывала края моей способности, делала её менее острой, но что-то все равно не давало покоя.

— Хорошая штука, — признал я.

— А то. — Ривер снова затянулся и выпустил дым в потолок. — Добро пожаловать в «Небеса», скучный Генри.

Следующие два дня я провёл как в тумане.

Я помогал на кухне — чистил картошку, мыл посуду, резал хлеб. Еды было мало, готовили все в складчину: кто-то приносил овощи с соседней фермы (украденные, как я подозревал), кто-то — консервы из города. Один раз приехал парень на мотоцикле, привёз мешок риса и ящик дешёвого пива. Его встречали как героя.

Люди здесь были странные. Не плохие — именно странные, с изломом. Многие сбежали от призыва, и это я понимал — Вьетнам, судя по новостям, разгорался не на шутку, и желающих отправиться в джунгли было немного. Другие сбежали от семей, от работы, от «системы», как они её называли. Третьи просто ничего не хотели от жизни, кроме травы и музыки.

Но была в них какая-то тёмная сторона. То, что сначала

казалось свободой, при ближайшем рассмотрении оказывалось обычной анархией, в которой слабых просто затапывали. Я видел, как один парень отобрал у другого спальный мешок, и никто не вмешался. Видел, как девушка плакала в углу, а ей говорили: «Это просто бэд-трип, расслабься». Свобода здесь была только для тех, кто умел брать своё.

Вельвет, которая взяла мои деньги, оказалась кем-то вроде неформального лидера — не потому что её выбрали, а потому что она была самой громкой и агрессивной. Ривер был её тенью, поддакивал и хихикал. Ещё был долговязый парень по имени Сэм, который называл себя шаманом и постоянно сидел у костра, бормоча что-то под нос.

В первый вечер я не обратил на него внимания. Во второй — прислушался.

— ...псы в шляпах идут по следу, но след обрывается у воды, — говорил Сэм, раскачиваясь взад-вперёд. Глаза у него были закрыты, лицо блестело от пота. — Человек без лица видит сны, которые ещё не приснились. Железные птицы падают с неба. Красный шёпот ползёт через океан. А тот, кто слышит, должен молчать, иначе его найдут.

Я замер с кастрюлей в руках.

— Что? — переспросил я.

Сэм открыл глаза и посмотрел на меня. Взгляд был мутный, расфокусированный, но в нём мелькнуло что-то осмысленное.

— Ты, — сказал он. — Ты уже слышишь. Но ещё не зна-

ешь, что с этим делать.

— Что я слышу? — спросил я осторожно.

— Голоса. Шум. Чужое нутро, — он постучал себя по виску грязным пальцем. — Это дар. Или проклятие. Смотря кто найдёт первым.

Я отставил кастрюлю и подошёл ближе.

— Кто меня найдёт?

— Те, кто уже ищет, — Сэм ухмыльнулся. — Люди в серых шляпах. И не только они. Есть другие. Красные. И те, кто вообще не отсюда.

— Откуда «не отсюда»?

— Со звёзд, — просто сказал Сэм и отвернулся к костру.

Я постоял ещё минуту, ожидая продолжения, но он снова начал раскачиваться и бормотать бессвязное. Что-то про «тарелки в пустыне», про «маленьких серых людей с большими глазами», про «обломки, которые стреляют молниями». Остальные у костра не обращали на него внимания — привыкли, видимо.

Я вернулся к кастрюле, но слова Сэма засели у меня в голове.

Красный шёпот ползёт через океан.

Я вспомнил газеты. Советские психотронные антенны. Дуга, Чернобыль-2? Или как там они это называют в этом мире? Может, Сэм просто бредит. Может, он нахватался обрывков слухов и мешает их с кислотными галлюцинациями. Но почему-то его слова звучали так, будто он знал больше,

чем говорил.

На следующий день я попытался расспросить его ещё раз.

Он сидел у ручья, свесив босые ноги в воду. Был полдень, солнце пекло так, что воздух дрожал над камнями. Сэм, казалось, не замечал жары.

— Сэм, — сказал я, садясь рядом. — Что ты вчера говорил про красный шёпот?

Он скосил на меня глаз. Сегодня он был трезвее — или просто ещё не успел принять свою дозу.

— А ты любопытный. Как сорока. Сороки воруют блестящее и попадают в беду.

— Просто интересно.

— Интересно ему, — передразнил Сэм. — Ну слушай. Есть место. Далеко. За большой водой. Там стоит башня, которая не просто ловит сигналы. Она их посылает. В головы. Всем. Но башня большая, а мир — ещё больше. Поэтому она не достаёт дальше, чем на двести миль. Понимаешь? Если ты внутри — ты раб. Если снаружи — свободен.

— Откуда ты знаешь? — спросил я.

— Сны, — он пожал плечами. — Мне снятся сны, которые ещё не случились. Иногда. Не всегда. Это как радио — то ловит, то нет.

Я вспомнил субботние эксперименты. Мой приёмник. Мой шум в голове. Интересная параллель.

— А что насчёт «тех, кто со звёзд»?

Сэм оживился. В его глазах зажёгся нездоровый блеск.

— А! Они уже здесь. Давно. Прилетели на круглых птицах и прячутся. Их мало. Может, пятьдесят. Может, сто. Они серые, мелкие, с головами как дыни. Не говорят по-нашему. Не хотят говорить. Но их можно подбить.

— Подбить?

— Военные сбивают. Иногда. У них в пустыне есть база, там лежат обломки. Железо, которое само светится. Можно сделать оружие. Я видел во сне: человек держит палку, а из палки вылетает молния. Как у Зевса.

Я молчал, переваривая услышанное.

В моём мире, в 2025-м, были тысячи форумов, где обсуждали НЛО, Зону 51, крушения в Розуэлле. Это была классическая конспирология. Крайне популярная и столь же неподтверждённая. Здесь, в этом безумном 1967-м, возможно, всё было иначе. Но пока я не увижу тарелку своими глазами — или хотя бы обломок, который стреляет молниями, — я оставлю эту историю в папке «непроверенное».

— А ещё, — Сэм понизил голос, — есть женщина. Рыжая. Она придёт за тобой. Но не сейчас. Сначала ты попадёшь в беду, она тебя выручит, и будет спать в твоей постели.

Я чуть не поперхнулся.

— В моей постели?

— Ну, или ты в её, — он снова пожал плечами. — Сны — штука неточная.

— А ещё что-нибудь полезное скажешь?

— Шапочка из фольги, — сказал Сэм и захихикал.

— Что?

— Шапочка из фольги. Она помогает — блокирует сигнал. Не весь, но немного. Мы тут все ходим в таких, когда сильно шумит в голове. — Он постучал себя по макушке, и я заметил, что у него под волосами действительно что-то блестит. — Особенно когда полнолуние. Или когда русские свои эксперименты проводят.

Я уставился на него. Шапочка из фольги. В моём мире это был мем. Символ клинического идиотизма. Здесь это — средство защиты, реально работающее.

— Хочешь, сделаю? — предложил Сэм.

— Пока нет, — сказал я. — Но спасибо за предложение.

— Как знаешь. — Он отвернулся к ручью и снова начал раскачиваться. — Удачи тебе, скучный Генри. Она тебе понадобится. Особенно когда появятся псы в шляпах.

Псы в шляпах появились на четвёртый день.

Я как раз помогал Риверу чинить протекающую крышу барака, когда снизу, от шоссе, донёсся звук автомобильного двигателя. Не тарактение, как у здешних раздолбанных пикапов, а ровный, мощный гул дорогой машины. Я замер. Ривер тоже прислушался.

— Гости? — спросил он, но я уже знал ответ.

Чужих мыслей я не слышал. Вообще. Тишина — та самая, из закускойной, — снова повисла в эфире. А это могло означать только одно: рядом были люди с глушилками.

— Уходим, — сказал я, бросая молоток.

— Куда? Зачем?

— Ривер, сейчас не время. Скажи остальным, чтобы сидели тихо.

Я спрыгнул с крыши и метнулся в кусты. Сердце колотилось, но голова работала чётко. Я знал, что федералы не станут штурмовать коммуны — во-первых, это гарантированная утечка в прессу, во-вторых, местные слишком обдолбаны, чтобы оказать сопротивление или представлять угрозу. Они приехали за мной. И будут спрашивать.

Из кустов я видел, как чёрный «Форд» с правительственными номерами остановился у ворот. Из него вышли трое.

Двое в штатском — те самые серые костюмы. Третий, к моему удивлению, был в военной форме. Высокий, подтянутый, с планками наград на груди. Он оглядел коммуны с таким выражением лица, будто наступил в коровью лепёшку.

— Внимание! — крикнул один из штатских. — Федеральное бюро расследований. Мы разыскиваем Генри Маллоя. Если он здесь, пусть выйдет. Никто не пострадает.

Никто не вышел. Вельвет стояла у барака, скрестив руки на груди, и смотрела на них с откровенной враждебностью. Ривер спрятался за бочку с водой. Сэм сидел у костра и продолжал раскачиваться, как ни в чём не бывало.

— Маллой! — снова крикнул агент. — Мы знаем, что вы здесь. Выходите, и мы решим всё мирно.

Я не двигался. Мирно — как же. Знаю я это «мирно». В

прошлой жизни я читал про МК-Ультра. Про эксперименты над людьми. Про подопытных, которые сходили с ума в лабораториях. В этой жизни, судя по газетам, всё было ещё хуже.

— Мы можем стоять здесь хоть весь день, — продолжал агент, но его перебил военный.

— Лейтенант, — сказал он негромко, но я услышал. — У нас приказ. Никакой огласки. Здесь полно гражданских.

— Я знаю, сэр.

— Тогда найдите мне его без применения силы к местным.

Агент у ворот открыл рот, чтобы возразить — и замер. Не в переносном смысле. В прямом. Рука, поднятая для жеста, застыла в воздухе. Лицо окаменело, как у манекена в витрине.

Военный тоже это заметил. Он нахмурился, сделал шаг к агенту — и тоже остановился. Медленно, как будто воздух вокруг него превратился в желе. Его рука дёрнулась к кобуре, но пальцы не слушались. Он замер, как статуя, с выражением крайнего недоумения на лице.

Я смотрел и не понимал, что происходит. Это не было похоже на мой ментальный удар — тот ощущался как прорыв, как выплеск энергии. Здесь же не было выплеска. Была тишина. Абсолютная, неестественная тишина, в которой даже сверчки замолчали, даже ветер перестал шуршать листьями.

А потом я услышал звук.

Низкий, вибрирующий, на грани слышимости — такой, что не ушами воспринимаешь, а желудком. Он шёл откуда-то сверху, со стороны гор. Я поднял голову и увидел свет. Два огня — неестественно белых, без оттенка, как будто кто-то проткнул небо раскалёнными иглами. Они висели над хребтом, не двигаясь, потом медленно поплыли на юг и скрылись за вершинами.

Звук исчез. Тишина лопнула, как мыльный пузырь. Сверчки застрекотали снова. Ветердохнул горячим воздухом. Агент у ворот пошатнулся, схватился за голову. Военный выругался — тихо, но очень грязно.

— Что это было? — спросил лейтенант. Голос у него дрожал.

— Не знаю, сэр. Похоже на... — он осёкся. — На прошлогодний инцидент в Неваде.

— Отмена, — сказал военный. — Сворачиваемся. Сейчас.

— Но сэр, объект...

— Я сказал — отмена. Эта цель никуда не денется, а вот за то, что мы только что видели, с нас шкуру спустят в Пентагоне. В машину. Живо.

Агенты переглянулись. Один из них бросил взгляд на коммуну — не на меня, я всё ещё сидел в кустах, — но на общую территорию. Потом они сели в чёрный «Форд», и машина укатила обратно к шоссе быстрее, чем положено по ухабистой просёлочной дороге.

Я выбрался из кустов. Ноги были ватные.

— Это были они, — раздался голос за спиной.

Сэм стоял у костра. Он даже не обернулся в мою сторону. Просто смотрел на горы, где только что исчезли огни. В отвесах пламени его лицо казалось древним, как каменные идолы с острова Пасхи.

— Кто — они? — спросил я, хотя уже знал ответ.

— Те, кто не отсюда. Серые. Они иногда прилетают. Смотрят. Что-то ищут. Или кого-то.

— Они искали меня?

— Нет, — Сэм покачал головой. — Тебя они пока не заметили. Они смотрели на агентов. Им интересны те, кто носит глушилки. Глушилки работают на их частотах. Это как если бы кто-то ходил по твоему дому и стучал в стены.

— А то, что агенты замерли? Это они сделали?

— Они. Останавливают время. Ну, не совсем время. Движение. Как пауза на пластинке.

Я молчал, переваривая услышанное. В моём мире, в моём старом мире, я читал про «похищения с остановкой времени» — классический элемент уфологической мифологии. Люди рассказывали, как всё вокруг замирало: птицы в небе, машины на дороге, люди на улицах. И в этой тишине появлялись они. Всегда серые. Всегда с большими глазами.

Здесь это была не мифология. Здесь это происходило в сотне метров от меня.

— Но почему военные так испугались? — спросил я. —

Если у них есть протоколы, если они сбивают тарелки...

— Одно дело — сбить, — Сэм наконец повернулся ко мне. — Другое дело — встретиться лицом к лицу, когда у тебя только пистолет, а они могут выключить тебя, как лампочку. Военные не боятся того, что можно подстрелить. Они боятся того, чего не понимают.

Я потёр виски. Голова снова начинала гудеть — то ли от пережитого страха, то ли от того, что где-то на границе восприятия я улавливал отголоски чужих сигналов. Не человеческих. Что-то другое. Холодное. Чужое. Как радиосигнал со звезды.

— Они вернутся? — спросил я. — Агенты.

— Да. Но не сегодня. Сегодня им нужно доложить о том, что они видели. А начальство будет решать, связано ли это с тобой. Может, решат, что не связано. Может, наоборот — пришлют ещё больше людей.

— А серые?

Сэм пожал плечами.

— Кто знает. Они как погода. То появляются, то исчезают. Но Свидетели говорят, что в последний год их стало больше. Раньше раз в месяц видели. Теперь — раз в неделю.

Я посмотрел на горы. Огни исчезли, но ощущение чужого присутствия осталось — как зуд в затылке, как слабый гул на грани слышимости. Может, Искра, которую я получу завтра, поможет мне понять их лучше. Или защититься. Или хотя бы отпугнуть.

А может, всё это — просто совпадение, и серым нет до меня никакого дела.

Но что-то мне подсказывало: в этом мире совпадений не бывает.

Глава 4. В которой я понимаю, что ночь — не лучшее время для визитов, а карта — не всегда бумажка

Сэм принёс карту через час. Она оказалась не картой в привычном смысле, а обрывком коричневой обёрточной бумаги, на котором шариковой ручкой были нацарапаны какие-то линии, крестики и подписи. Почерк у Сэма был как у пьяного врача — я разобрал только «Мохаве», «ранчо Ларсена» и «Свидетели». Всё остальное напоминало схему лабиринта, нарисованную человеком, который никогда не видел лабиринтов, но много о них слышал. — Это что? — спросил я, вертя бумажку в руках. — Карта, — обиженно сказал Сэм. — Ты просил карту — я нарисовал карту. — Сэм, тут нет масштаба. Нет дорог. Тут даже севера нет. — Север — это туда, — он махнул рукой куда-то в сторону гор. — А масштаб тебе зачем? Ты что, землемер? Езжай по шоссе до Мохаве, потом свернёшь у высохшего дуба. Дуб не промахнёшься — он один такой. Дальше по просёлку до ранчо Ларсена. Там живёт один человек. Скажешь, что от Сумасшедшего Сэма, он поймёт. От ранчо — на запад, в пустыню. Увидишь столб с перевернутым крестом. Это их знак. Там и будут Свидетели. — Перевернутый крест? — переспросил я. — Это не сатанисты, часом? — Сатанисты? — Сэм задумался.

мался, пожевал губу. — Не, они не сатанисты. Они просто верят, что небесный свет сойдёт и заберёт их на тарелках. А перевёрнутый крест — это чтобы священники не лезли. Отпугивает. Логика была своеобразная, но в чём-то я её понимал. Я сложил карту вчетверо, сунул в нагрудный карман и пошёл собирать вещи. Много у меня их не было. Сменная рубашка, зубная щётка, револьвер отца — прежний Генри держал его в бардачке «Форда» на случай «ограбления или коммунистов», но так ни разу и не доставал. Я проверил барабан — пять патронов, шестая камера пустая. Не арсенал, конечно, но лучше, чем ментальный удар, после которого я потом полдня как выжатый лимон. Вельвет нашла меня у машины. Стояла, скрестив руки, и смотрела, как я укладываю сумку на заднее сиденье. — Ты принёс нам проблемы, Генри, — сказала она без предисловий. — Знаю. Извини. — Твои извинения не стоят и цента. Если они вернутся ночью и устроят тут обыск, нам всем светит срок. У половины народа нет документов. У другой половины — призывные повестки. Я закрыл багажник и повернулся к ней. При свете заката Вельвет выглядела старше, чем я думал поначалу. Лет тридцать, может, больше. Просто жизнь на солнце и дрянная еда скрадывали возраст. — Что ты предлагаешь? — спросил я. — Я хочу знать, что им нужно. Ты кого-то убил? Ограбил? Ты шпион? — Я никто. Мелкий клерк. Просто... со мной случилась одна странность. И они хотят изучить её в лабораторных условиях. — Что за странность? Я на секунду

задумался, стоит ли говорить. А потом решил — какая разница? Всё равно она не поверит. — Я слышу мысли людей. Иногда. Не всегда. Вельвет моргнула. Потом фыркнула. — Ты серьёзно? — Абсолютно. Хочешь, скажу, о чём ты думаешь прямо сейчас? — Ну, попробуй. Я потянулся к её сигналу. Он был как старая радиоволна — с помехами, но различимая. — Ты думаешь, что я псих, — сказал я. — Но не опасный. А ещё ты думаешь, что Ривер опять не помыл посуду, и что вечером будет холодно, и что у тебя болит спина. Она отшатнулась. Глаза расширились. — Как ты... — Я же сказал. Странность. Вельвет долго смотрела на меня. Потом покачала головой, пробормотала что-то вроде «чёртовы фокусники» и пошла обратно к бараку. У входа обернулась: — Если вернёшься — плати вдвойне. За моральный ущерб. — Договорились. — У нее, похоже, что-то не то с мозгами, она явно не осознает всю опасность, что грозит её общине. Впрочем, это меня уже не касается. Я сел за руль и завёл двигатель. — Ночь в пустыне Мохаве — это отдельный вид одиночества. Я выехал из каньона Топанга сразу после заката, когда небо на западе ещё догорало оранжевым, а горы на востоке уже стали чёрными силуэтами на фоне звёзд. Дорога была пустая — ни встречных машин, ни патрулей, никого. Только я, мой «Форд» и радио, которое ловило с помехами какую-то кантри-станцию из Бейкерсфилда. Примерно через час пути я заметил, что чужие мысли стихли. Не как при появлении агентов — когда эфир забивало белым шумом, —

а просто постепенно сошли на нет. В пустыне не было людей. Вообще. На много миль вокруг — ни одной живой души, кроме ящериц и койотов. И это было... приятно. Впервые за много дней моя голова принадлежала только мне. Я опустил стекло, впустил в салон сухой ночной воздух и позволил себе ненадолго расслабиться. Не отвлекаться — нет, расслабляться было рано. Но хотя бы выдохнуть. Итак, что мы имеем? Я в теле американского клерка. Иду в федеральном розыске. Могу читать мысли и — при сильном стрессе — внушать приказы. Мир вокруг меня слегка безумен, потому что психотронное оружие здесь — реальность, а не форумный трёп. Где-то есть советская антенна, которая сводит людей с ума. Где-то есть пришельцы, о которых бормочет Сумасшедший Сэм. Где-то есть военные, которые сбивают их тарелки. И где-то, если верить тому же Сэму, меня ждёт рыжая женщина, которая прыгнет в мою постель. Прекрасно. Просто прекрасно. Я усмехнулся про себя и прибавил газу. Высохший дуб, о котором говорил Сэм, я действительно не пропустил. Он стоял у развилки как мёртвый страж — корявый, чёрный, с вытянутыми к небу ветвями. В свете фар он выглядел как декорация к фильму ужасов. Я свернул на просёлок и покатил дальше, подпрыгивая на ухабах. Ранчо Ларсена показалось через полчаса — одинокий дом на фоне плоской, как стол, пустыни. Окна не горели, но из трубы шёл дым. Я заглушил мотор и вышел, держа руку в кармане, где лежал револьвер. На всякий случай. Дверь открылась до то-

го, как я постучал. На пороге стоял человек. Я плохо разглядел его в темноте — только силуэт: высокий, тощий, с длинными волосами.— Ты от Сэма, — сказал он. Не спросил, а констатировал.— Да. Он сказал, вы поможете.— Заходи. И машину загни за дом, чтобы с дороги не было видно. Я загнал Форд за сарай, закидал его ветками — спасибо, научили в армии, когда мы по команде прятали танк всем взводом на время, — и вошёл в дом. Внутри было на удивление чисто. Старая мебель, книжные полки до потолка, большой стол, заваленный бумагами и какими-то приборами. Пахло табаком и кофе. Хозяин — я разглядел его при свете керосиновой лампы — оказался человеком лет шестидесяти, с обветренным лицом и глазами, которые видели больше, чем хотели бы. Звали его Ларс, и он действительно приходился владельцем этого ранчо. Бывшим, по крайней мере — ранчо разорилось лет десять назад.— Значит, ты — тот парень, которого ищут федералы, — сказал Ларс, ставя передо мной кружку с кофе. — Сэм мне звонил.— У вас есть телефон?— А ты думал, мы тут совсем дикие? — он усмехнулся в седые усы. — Телефон есть, электричество от генератора, даже телевизор иногда показывает. Не всё, что в пустыне — отрезано от цивилизации. Я отхлебнул кофе. Он был горьким, но бодрящим.— Сэм сказал про Свидетелей Небесного Света. И про обломок, который стреляет молниями. Ларс помолчал. Потом встал, подошёл к столу и взял что-то с полки. Маленький предмет, размером с ладонь. Когда он поднёс его к лам-

пе, я увидел кусок металла — неестественно гладкий, с перламутровым отливом, который переливался даже в тусклом свете.— Вот, — сказал он. — Это не стреляет, но светится в темноте. Я нашёл его пятнадцать лет назад в пустыне, после того как военные три дня гоняли что-то в небе. Они сказали — испытания ракет. Но ракеты не оставляют таких обломков. Я взял кусок в руки. Он был холодным и неожиданно лёгким. Как будто не металл вовсе, а что-то другое. Пластик? Керамика? В моём мире я бы сказал — композитный материал. Но в 1967 году таких материалов ещё не было в массовом производстве.— И много такого? — спросил я.— У меня — только это. А у Свидетелей, говорят, целый склад. Они лет пять назад нашли в пустыне целый фрагмент тарелки. Небольшой, но с работающей начинкой. С тех пор молятся на него и ждут, когда за ними прилетят.— А начинка стреляет молниями?— Говорят, да. Я сам не видел, но люди болтают. Если хочешь с ними связаться, езжай на запад. Найдёшь столб с перевёрнутым крестом — значит, ты у цели. Только будь осторожен. Они не любят чужаков. Особенно тех, кто приходит с пустыми руками.— А что им принести? Ларс задумался. Потом усмехнулся.— Информацию. Ты же слышишь мысли? Вот и послушай их. Может, выяснишь что-то полезное — продашь. Я допил кофе, поблагодарил и уже собирался уходить, когда Ларс вдруг спросил:— А ты вообще веришь? В пришельцев? Я остановился в дверях. Вопрос был неожиданным. В моём мире я читал тонны

литературы, смотрел документалки, участвовал в форумных спорах. Но верил ли я сам? По-настоящему?— Раньше не верил, — честно ответил я. — Но с недавних пор я стал более открыт к странному. Ларс кивнул.— Хороший ответ. Береги себя, парень. И не свети способностями перед теми, кто может донести. Я вышел в ночь, откинул ветки с Форда и двинулся дальше на запад, в самое сердце пустыни.—— Столб с перевёрнутым крестом я нашёл только к утру. Солнце уже поднялось над горизонтом, пустыня из чёрной стала золотой, а воздух — горячим и неподвижным. Я устал, хотел спать, но останавливаться было нельзя. Столб стоял у съезда с просёлка — высокий, метров пять, с грубо сколоченной перекладиной наверху. Перевёрнутый крест. Как и обещал Сэм. Я съехал с дороги и через пару миль увидел лагерь. Он был меньше, чем коммуна в Топанге, но выглядел аккуратнее. Несколько армейских палаток, грузовик с проржавевшими бортами, кострище, вокруг которого сидели люди. Человек десять-двенадцать. Все в одинаковых бесформенных балахонах серого цвета. При моём появлении они замолчали и уставились на меня.— Кто ты? — спросил мужчина, поднимаясь от костра. Он был старше остальных — лет пятьдесят, может, больше. Седая борода, глубокие морщины, глаза бледные, как выцветшая джинса. — Зачем пришёл?— Меня зовут Генри. Я от Сумасшедшего Сэма. Имя Сэма произвело эффект. Люди зашептались, задвигались. Седая Борода нахмурился.— Сэм — пророк, — сказал он. — Но он безумен.

Его видения не всегда ясны.— Он сказал, что у вас есть то, что мне нужно.— И что же тебе нужно?— Оружие, — сказал я прямо. — Против людей, которые хотят запереть меня в лаборатории и изучать как подопытную крысу.Седая Борода долго смотрел на меня. Потом кивнул.— Пойдём.Он провёл меня через лагерь к большой палатке на отшибе. Внутри было темно и душно, пахло чем-то сладковатым — ладаном или какой-то дрянью вроде опиума. В центре стоял грубый деревянный алтарь, а на нём...Это было то, о чём говорил Сэм.Фрагмент летающей тарелки. Не такой, как у Ларса — не маленький обломок, а целый кусок обшивки, размером с автомобильную дверь. Он был покрыт странными символами, которые слабо светились голубоватым светом. От него исходило тепло — не физическое, а какое-то другое, как от работающего электроприбора.— Это Дар, — сказал Седая Борода. — Он упал с неба пять лет назад. Мы храним его и молимся, чтобы Небесный Свет вернулся.— Он работает?— Иногда. Когда Свет рядом. Мы чувствуем их присутствие — и Дар оживает.— И что он делает?Седая Борода взял с алтаря что-то маленькое — кусочек обшивки, отколовшийся от основного фрагмента. Протянул мне.— Вот. Это всё, что я могу отдать. Мы зовём это Искрой. Если сжать её в руке и подумать о цели, она выпускает разряд. Но только один раз. Потом гаснет навсегда.Я взял Искру. Она была тёплой и слегка вибрировала, как будто внутри неё что-то жило.— Это очень ценный подарок, — сказал я. — Почему

вы отдаёте его мне? Седая Борода улыбнулся — впервые за весь разговор. — Потому что ты — не такой, как мы. Ты не Свидетель. Но ты тоже ищешь Свет. И потому что Сэм сказал: «Помогите скучному Генри, он ещё всех нас спасёт». Я не знаю, от чего спасёт. Но пророкам нужно верить. Даже безумным. Я положил Искру в карман. Она продолжала вибрировать, как напоминание о том, что мир гораздо шире и страннее, чем я мог представить в своей прошлой жизни. — Ещё одно, — добавил Седая Борода, когда я уже собирался уходить. — Тот, кто носит Искру, светится. Не для глаз, но для других. Те, кто пришли со звёзд, могут заметить. Будь осторожен. — А военные? — спросил я. — Они тоже могут заметить? — У них есть приборы. Радары. Они ловят сигналы. Так они находят обломки. И таких, как ты. Я вышел из палатки в ослепительный утренний свет, держа в кармане инопланетный артефакт и чувствуя, как он пульсирует в такт моему сердцебиению. Значит, военные могут засечь меня по сигнатуре этой штуки. Или по моей собственной «частоте», когда я использую способности. Нужно будет быть аккуратнее. Я сел в Форд, завёл мотор и задумался, куда теперь. Возвращаться в Топангу нельзя — там, возможно, уже федералы. Ехать в город — самоубийство. Остаться в пустыне? А смысл? Я развернул карту Сэма — и тут заметил кое-что, чего не видел раньше. В углу, почти у самого края, тем же шариковым почерком было написано: «Если совсем прижмёт — ранчо Ларсена, подвал, нажать на кирпич». Подвал. Кир-

пич. Что за... Я повернул ключ зажигания и выехал на просёл-лок. Кажется, у старого Ларса было не только ранчо. У него был схран. А человек, который коллекционирует обломки НЛО и дружит с сумасшедшими пророками, наверняка знает больше, чем говорит. И ещё эта фраза Сэма — «скучный Генри всех нас спасёт». Что он имел в виду? И почему, чёрт возьми, это звучало не как комплимент, а как пророчество о грядущих проблемах? Я ехал по пустыне, и в кармане у меня лежала Искра, а в голове крутились слова Седая Бороды: «Ты светишься». Светишься. Прекрасно. Теперь меня может засечь не только ФБР, но и военные радары. И, возможно, те, кто вообще не отсюда. День обещал быть долгим.

Глава 5. В которой я узнаю, что у старого Ларса есть подвал, а у подвала — секрет

Обратно до ранчо Ларсена я добрался к полудню. Солнце стояло в зените, пустыня плавилась от жары, а мой «Форд» начинал подозрительно стучать при переключении передач — кажется, коробка доживала последние дни. Я заглушил мотор у знакомого сарая и посидел минуту, прислушиваясь к тишине. Чужих мыслей не было — ни человеческих, ни каких-либо ещё. Только где-то далеко, на самой границе восприятия, что-то едва слышно гудело. Может, ЛЭП. Может, та самая Дуга. А может, просто шум в моей собственной голове.

Ларс сидел на крыльце в продавленном кресле-качалке и чинил рыболовную сеть.

При виде меня он не удивился — только хмыкнул и кивнул на соседнюю ступеньку.

— Ну, рассказывай, — сказал он.

Я сел и рассказал. Про Свидетелей, про Искру, про огни над горами. Ларс слушал молча, перебирая верёвки. Когда я закончил, он отложил сеть, сходил в дом и вернулся с двумя бутылками пива. Одну протянул мне.

— Держи. Тебе сейчас нужно.

Я взял. Пиво было тёплым, но я не жаловался.

— Сэм сказал, у вас есть подвал, — осторожно начал я.

— И если нажать на кирпич...

Ларс поморщился, как от зубной боли.

— Сэм, чтоб его. Язык без костей. — Он отхлебнул пива и долго смотрел на горизонт. Потом вздохнул. — Ладно. Ты всё равно уже влез по уши. Показываю. Но учти: то, что ты увидишь, — не моё. Я только храню. Понял?

— Понял.

Мы вошли в дом. Ларс отодвинул ковёр в гостиной, под которым обнаружился люк. Под люком — лестница вниз. В подвале пахло сыростью и чем-то ещё — чем-то металлическим, как в радиорубке. Когда Ларс дёрнул за цепочку лампочки, я увидел стеллажи. Много стеллажей.

На них лежало оружие.

Не обычное — никаких винтовок и револьверов, этого добра у Ларса и наверху хватало. Здесь было другое. Короткие трубки с рукоятками, собранные явно вручную. Какие-то коробочки с проводами. Несколько армейских раций, перепаянных и модифицированных. Пара кустарных приборов, которые я вообще не смог опознать.

— Это что? — спросил я, беря в руки одну из трубок.

— Не трогай, — резко сказал Ларс. — Это прототип. Бьёт током на расстоянии. Работает от обломков. Мы зовём их «пушки Теслы».

— Мы?

Ларс помолчал. Потом сел на старый ящик и жестом пригласил меня сделать то же самое.

— Есть люди, — начал он. — Не военные. Не правительство. Просто... те, кто знает правду. Мы появились ещё в сорок седьмом, после Розуэлла. Сперва просто собирали слухи. Потом — обломки. Потом поняли, что их можно использовать. Не ради денег. Ради... страховки.

— Страховки от чего?

— От всего. От федералов, которые хотят всё засекретить. От русских, которые лезут в головы. От серых, которые непонятно чего хотят. Мы не армия. Мы — вроде сети. В каждом штате — пара человек, которые держат схроны. Если кому-то нужно исчезнуть, мы помогаем. Если кому-то нужно оружие против системы — делимся. Ты, похоже, первый случай за десять лет, когда нужно и то, и другое.

Я переваривал услышанное. Подпольная сеть, разбросанная по всей стране. Не заговор, не секта — просто люди, которые слишком много знают и хотят быть готовыми к худшему.

— Сэм — один из вас?

— Сэм — особый случай. Он не член сети, но мы с ним дружим. Он правда видит сны. Иногда они сбываются до деталей. Иногда — полная чушь. Но когда он говорит, что скучный клерк всех спасёт, я слушаю. Потому что последний раз, когда он говорил что-то подобное, через месяц случился инцидент в Неваде.

— Что за инцидент?

Ларс посмотрел на меня долгим взглядом.

— Военные подбили тарелку. Первую, которую удалось сбить целиком. Она упала в пустыне, и они её вывезли. Но перед этим серые устроили что-то вроде... демонстрации. На двое суток вырубил всю электронику в радиусе ста миль. Сэм предсказал это за три дня.

В подвале стало тихо. Лампочка под потолком чуть мерцала — наверное, генератор барахлил.

— И что теперь? — спросил я. — Вы предлагаете мне стать одним из вас?

— Нет, — Ларс покачал головой. — Я предлагаю тебе зайти. У меня есть несколько мест, где можно переждать. Взамен — поможешь с парой дел. Ничего противозаконного. Ну, почти ничего.

Я усмехнулся.

— Что за дела?

— Во-первых, в двадцати милях отсюда есть мотель «Сьерра-Виста». Держит его одна женщина. Она должна мне кое-какую информацию. Съезди, забери. Во-вторых, — он кивнул на оружие в подвале, — раз уж у тебя дар, может, поможешь понять, что у серых на уме.

— Как?

— У нас есть обломок. Не такой, как у Свидетелей, — меньше. Но он иногда... передаёт. Как радио. Только не слова, а образы. Мы не можем разобрать — нужен кто-то, кто

чувствует такие вещи тоньше. Попробуешь?

Я подумал. С одной стороны, я хотел просто спрятаться и ни во что не лезть. С другой — Ларс и его сеть были единственными союзниками в этом безумном мире. И отказываться от их помощи сейчас было бы глупо.

— Хорошо, — сказал я. — Давайте ваш обломок.

Обломок лежал в свинцовой коробке в дальнем углу подвала. Когда Ларс открыл крышку, я почувствовал это — слабый, едва уловимый сигнал, похожий на мысль, но не человеческую. Если человеческие мысли были как радиопередачи, то это напоминало... азбуку Морзе. Ритмичные, повторяющиеся импульсы.

Я взял обломок в руки. Металл был холодным, но ладонь тут же начало покалывать.

— Он тёплый, — сказал я. — Для вас он тёплый?

— Нет, — Ларс нахмурился. — Для нас он просто кусок железа. Значит, ты правда слышишь.

Я закрыл глаза и сосредоточился. Импульсы стали громче, ритмичнее. Постепенно они начали складываться в образы.

...холод... поиск... сигнал утерян... квадрат семь-четыре... ожидание...

— Это навигационный маяк, — сказал я, открывая глаза.

— Или что-то вроде того. Он передаёт координаты. Но сигнал слабый — наверное, повреждён.

— Координаты чего?

— Не знаю. Какой-то точки в пустыне. Квадрат семь-четыре. Мне это ни о чём не говорит.

Ларс побледнел.

— Мне говорит, — сказал он тихо. — Это полигон. Военный полигон в Неваде. То самое место, куда они свозят все обломки.

Мы переглянулись.

— Они ищут своих, — продолжал Ларс. — Серые. Они ищут тех, кого сбили. И если этот маяк до сих пор работает, значит, они знают, где искать. И рано или поздно прилетят.

— Но их же мало, — возразил я. — Сэм говорил — штук сто, не больше. И тарелки военные сбивают.

— Сбивают. Но каждая тарелка, которую они теряют, делает их злее. Представь, что ты — разведчик на вражеской территории. Твоих товарищей отлавливают и режут на куски в лабораториях. Ты сам прячешься, вас всё меньше. Что ты будешь делать?

— Попытаюсь выжить, — сказал я.

— Или отомстить, — закончил Ларс. — Ладно. Пока это просто сигнал. Может, они и не прилетят. А если прилетят — у нас есть пушки Теслы и пара армейских радаров. Справимся.

Я не был так уверен, но спорить не стал.

Вечером мы сидели на крыльце. Солнце садилось за горы, красило пустыню в оранжевый и розовый, и если не думать

о том, что где-то там, за горизонтом, за мной охотятся федералы, а в небе висят невидимые тарелки, можно было даже наслаждаться видом.

— Ларс, — спросил я. — А женщина, которая держит мотель. Она тоже из вашей сети?

— Марисоль? — он усмехнулся. — Она сама по себе. Но с нами дружит. Её покойный муж был одним из основателей сети. Теперь она держит мотель и иногда выполняет мелкие поручения.

— Она знает обо мне?

— Пока нет. Узнает, когда приедешь. Передашь ей вот это, — он протянул мне небольшой пакет, завёрнутый в коричневую бумагу. — И спросишь про «южный маршрут». Она поймёт.

Я взял пакет. Он был лёгким.

— Что внутри?

— Лучше тебе не знать. Скажем так: это поможет одному человеку исчезнуть из страны.

Я хотел спросить ещё что-то, но Ларс поднялся, давая понять, что разговор окончен. Уже в дверях он обернулся.

— И вот ещё что, Генри. Если Марисоль предложит тебе остаться на ночь — соглашайся. У неё отличный кофе и надёжные стены. А в твоём положении и то, и другое — редкость.

На следующее утро я выехал в сторону мотеля «Сьер-

ра-Виста». Коробка передач поскрипывала, но пока держалась. Искра лежала в кармане, револьвер — в бардачке. Голова была ясной — за ночь я выспался впервые за неделю.

Мне нужно было залечь на дно. Обрасти связями. Понять, кто в этом мире — друг, а кто — просто ждёт момента, чтобы сдать меня властям. И кажется, мотель «Сьерра-Виста» был неплохим местом, чтобы начать.

Что ещё сказал Сэм? «Рыжая женщина будет в твоей постели»? Я усмехнулся про себя. Посмотрим, пророк ты или просто болтун с шапочкой из фольги.

Впереди показалась вывеска. «Сьерра-Виста. Мотель. Свободные номера».

Я притормозил и свернул на гравийную дорожку.

Глава 6. В которой я теряю почти всё, но приобретаю мотоцикл

Мотель «Сьерра-Виста» показался из-за поворота ровно в тот момент, когда стрелка температуры двигателя моего Форда переползла в красную зону. Я выругался сквозь зубы и похлопал ладонью по приборной панели.

— Ну давай, старушка. Ещё полмили. Не подведи.

Форд чихнул, кашлянул и, вопреки всем законам механики, дотянул до гравийной парковки. Я заглушил мотор и минутку просто сидел, слушая, как остывающий металл щёлкает и потрескивает. Коробка передач выла при переключении уже вторые сутки, радиатор подтекал, а бензобак, кажется, приобрёл новую течь где-то в районе прокладки. Ещё немного — и эта машина станет моей персональной огненной могилой.

Мотель выглядел как декорация к фильму, который никто не доснял. Два десятка номеров, вытянувшихся буквой L вдоль пыльной парковки. Облупившаяся краска цвета выцветшей бирюзы, мигающая неоновая вывеска, у которой не горела буква S — получалось «ьерра-Виста», что звучало как имя мексиканской танцовщицы из дешёвого бара. На стоянке сиротливо жарились на солнце пара грузовиков с номерами Аризоны и одинокий Кадиллак не первой свежести. И ти-

шина. Та самая, подозрительная, когда даже цикады замолкают, а воздух становится густым и неподвижным.

Я сунул револьвер за пояс, проверил пакет Ларса во внутреннем кармане куртки и вышел из машины. Под ногами захрустел гравий. Солнце палило так, словно задалось целью выжечь из моей головы все мысли, кроме одной: найди тень.

Административный домик встретил меня кондиционированной прохладой и запахом корицы. Звякнул колокольчик над дверью, и из-за стойки поднялась женщина.

Марисоль оказалась невысокой, ладно скроенной мексиканкой лет сорока пяти, с медными волосами, собранными в тугую пучок, и глазами цвета тёмного янтаря. В её взгляде читалась целая анкета: рост, вес, потенциальная опасность, платёжеспособность. Но было в ней и что-то ещё — какая-то усталая цепкость, выработанная годами жизни в месте, где неприятности приезжают без предупреждения.

— Добрый день, — сказал я. — Я от Ларса.

Она моргнула. Что-то в её лице изменилось — едва уловимо, как будто опустилась невидимая шторка.

— Кофе? — спросила она вместо приветствия.

— Не откажусь.

Кофе оказался густым, чёрным и обжигающим — с явным добавлением корицы и чего-то ещё, может быть, капельки рома. Я сделал глоток и выложил на стойку пакет Ларса. Марисоль взяла его, взвесила в руке, но вскрывать не стала. Убрала куда-то под стойку — судя по звуку, в сейф. Затем

бросила на меня оценивающий взгляд, помолчала секунду и, видимо, решив, что раз Ларс прислал — значит, можно говорить, произнесла:

— Передай Ларсу, что информация чистая. Южный маршрут работает. Следующее окно — через трое суток, с полуночи до двух. Если его человек успеет к развилке у Старой дамбы, его заберут.

— Заберут куда?

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением, как будто я спросил, зачем нужен бензин в машине.

— На ту сторону, — сказала она отдельно. — В Мексику, а оттуда — морем. Куда угодно, лишь бы подальше от федералов. Ты, похоже, тоже кандидат на такой билет.

— Пока нет, — ответил я, хотя мысленно сделал пометку: развилка у Старой дамбы, трое суток, от полуночи до двух. Может пригодиться. — Но спасибо за информацию. Передам.

Я допил кофе и уже собирался спросить про ночлег — уж очень хотелось спать, — когда снаружи раздался звук.

Сперва я подумал — двигатель. Но нет. Слишком много двигателей. И ещё что-то, от чего у меня волосы на затылке встали дыбом. Гул. Низкий, вибрирующий, на грани слышимости. Такой же, какой я слышал в Топанге перед тем, как агенты застыли как статуи.

Марисоль напряглась. Видимо, она тоже услышала что-то своё — женское чутьё или просто знание того, что тишина в

этом мотеле никогда не бывает к добру.

Я метнулся к окну.

На парковку влетали машины. Три чёрных Эскалейда без опознавательных знаков и фургон с решётками на окнах. Из них высыпали люди в штатском — но с жилетами, на которых крупными буквами было написано BNDD. Bureau of Narcotics and Dangerous Drugs. Федеральная служба по борьбе с наркотиками. Серьёзные ребята. Не такие, как копы из Пасадены, и не такие, как федералы, которые охотились за мной. Эти были злее. Эти работали по наркокартелям и призывали, что на их облавах иногда стреляют.

— Твою мать, — прошипела Марисоль. — Опять. Третий раз за месяц. У них наводка на двенадцатый номер. Там уже неделю живут какие-то подозрительные типы из Невады.

— Мне нужно уходить.

— Поздно. Они уже перекрывают стоянку.

Я снова выглянул в окно. Двое оперативников в чёрных жилетах с большими жёлтыми буквами BNDD направлялись к двенадцатому номеру, ещё трое — к административному домику. У каждого на поясе болталось что-то похожее на портативную рацию, но излучавшее тот самый белый шум. Глушилки. Не такие мощные, как у федералов из Пасадены, но достаточные, чтобы я не мог прочитать их мысли и не мог внушить приказ. Кажется, кто-то в Вашингтоне решил, что защита от пси-воздействия нужна не только шпионам, но и обычным копам. Или эти ребята просто таскали с собой обо-

рудование, которое глушило всё подряд, и мой дар попадал под раздачу.

Марисоль уже отходила к стойке, что-то прикидывая про себя. Я перехватил её взгляд — она явно собиралась предложить какой-то план. Но я уже знал, что не хочу втягивать её в свои проблемы глубже, чем нужно. Она передала информацию, получила пакет — её часть сделки выполнена. Дальше я сам.

— Быстро уходите, — бросил я ей. — Скажете, что я вооружен, угрожал оружием. Меня здесь не было. Поняли?

Она хотела что-то возразить, но я уже не слушал.

Дверь в административный домик распахнулась. На пороге стоял оперативник — молодой парень с прыщавым лицом и револьвером в дрожащей руке. Увидев меня, он заорал — истерично, срываясь на фальцет:

— На пол! Руки за голову! Лицом в пол!

Я медленно поднял руки. Времени на раздумья не было. Я потянулся к его сигналу и упёрся в глушилку. Но она была слабее, чем у агентов в Пасадене — возможно, старая модель, возможно, просто дешёвая подделка. Белый шум шипел в ушах, но сквозь него я различал отдельные всполохи чужих эмоций. Страх. Паника. Мысль: ...Господи, у него револьвер за поясом, он сейчас выстрелит, почему я пошёл первым, почему...

И тогда я ударил.

Не по-настоящему — я бы не смог пробить глушилку пол-

ноценным внушением. Но я сумел бросить ему одну короткую картинку. Образ. Не приказ — скорее, вспышку. Дикую боль в правой руке, такой силы, будто он только что сунул пальцы в электророзетку. Это отвлекло его ровно на секунду.

Парень взвыл. Револьвер выпал из его руки — он схватился за запястье, зашипел, отшатнулся. Мне хватило этого мгновения: я перехватил со стойки пустую кофейную кружку и запустил ему в лицо. Кружка разбилась о лоб, парень пошатнулся, а я уже летел не к двери — к окну.

Стекло я выбил плечом.

Это было больно. Осколки порвали рубашку, что-то резануло по предплечью — потом разберусь. Я кубарем выкатился наружу, на горячий гравий, и тут же вскочил на ноги. Окно выходило не на парковку, а на боковую сторону мотеля — туда, где стояли мусорные баки и старый, проржавевший торговый автомат с кока-колой. Над головой свистнуло — кажется, пуля. Или просто ветер. Я не стал проверять.

Сзади уже слышались крики. Кто-то орал: Уходит! Боковая сторона! Боковая! Я припустил вдоль стены, огибая мусорные баки. Впереди, в сотне метров, за пустырем, виднелся остов заброшенной заправки. Если я доберусь до него, есть шанс затеряться в развалинах.

Я побежал.

Пустырь был не самым удачным местом для бегства. Открытое пространство, ни кустов, ни деревьев — только выжженная солнцем земля, усеянная битым стеклом и консерв-

ными банками. Где-то на середине я обернулся и увидел, как из-за угла мотеля вылетают трое оперативников. Двое с пистолетами, один с дробовиком. Глушилки. У всех. Белый шум тремя волнами накатывал издалека, перемешиваясь в кашу.

Я выхватил из кармана Искру.

Маленький кусочек инопланетного металла, тёплый и вибрирующий. Сэм сказал — один разряд. Свидетели сказали — только раз. Я надеялся приберечь её для встречи с настоящей угрозой — с федералами из спецотдела, с серыми, с кем-то, кто действительно опасен. Но сейчас выбора не было. Если меня возьмут здесь, дальнейшие планы можно будет строить только в камере для допросов.

— Ладно, — сказал я сам себе. — Будем считать это полевыми испытаниями.

Я сжал Искру в кулаке и сосредоточился.

В прошлый раз, когда я пытался внушить приказ миссис Гринберг, ничего не вышло. В закускойной, когда я ударил по агенту, это сработало — но грубо, грязно, с кровью из носа и полным опустошением меня самого. Сейчас, с Искрой, всё было иначе. Она не требовала от меня энергии — она была сама по себе источником. Мне нужно было только направить её.

Я представил результат. Вспышку. Грохот. Землю, вздыбившуюся фонтаном песка и щебня прямо перед бегущими людьми. Не для того, чтобы убить — просто чтобы ослепить,

оглушить, дать себе фору. Я вложил в это намерение всю концентрацию, на какую был способен.

Искра сработала.

Разряд вышел синевато-белый, похожий на молнию, но тише и чище — как если бы кто-то дёрнул рубильник гигантской электросети. Он ударил не в людей, а в землю перед ними, выбив фонтан песка и щебня высотой в два человеческих роста. Взрывная волна толкнула оперативников назад, как кукол. Один упал, выронив дробовик. Двое других замерли, ослеплённые вспышкой, схватившись за лица.

Искра в моей руке погасла. Металл стал холодным и серым — обычный кусок железа, ничем не примечательный. Я отбросил его в сторону и побежал дальше.

Заброшенная заправка встретила меня ржавыми остовами бензоколонок и запахом старого бензина. Никакого пикапа, чтобы его угнать, здесь, конечно, не было — и рассчитывать на чудо не приходилось. Но зато здесь было укрытие. Я нырнул за бетонный постамент бывшей вывески и перевёл дух.

Лёгкие горели. Рубашка прилипла к спине. По предплечью, там, где резануло стекло, текла тёплая струйка крови. Но в целом я был жив и не пойман.

Я осторожно выглянул из-за укрытия. Оперативники всё ещё возились на пустыре — двое помогали подняться третьему, четвёртый, который выскочил позже, что-то кричал в рацию. Через пару минут здесь будет всё местное отделение.

Нужно уходить. Быстро. И желательно — не пешком.

Я огляделся по сторонам и тут услышал его.

Рёв мотоциклетного двигателя. Глубокий, басовитый, переходящий в ритмичное тарыхтение на холостых. Я сместился левее, к пролomu в бетонном ограждении, и увидел съезд с шоссе к старой бензоколонке. А на съезде — байкера.

Здоровый мужик в чёрной кожаной куртке, с нашивкой какого-то мотоклуба на спине. Он только что остановился — видимо, заметил дым от фонтана песка или услышал грохот и решил поглазеть, что за чертовщина тут творится. Мотоцикл — тяжелый Харлей-Дэвидсон, блестящий хромом в лучах полуполуденного солнца, — урчал под ним, как сытый зверь.

Байкер ещё не видел меня. Но уже через пару секунд видит оперативников на пустыре и, скорее всего, даст по газам.

Я потянулся к его сигналу.

Глушилок у байкера, разумеется, не было. Его сознание открылось мне как на ладони: любопытство пополам с осторожностью, мысль ...что за хрень, копы, что ли?..., и уже просыпающееся решение — ...надо валить, пока не вляпался...

Его правая рука уже тянулась к ручке газа.

Я вышел из-за укрытия. Медленно. Не делая резких движений. И ударил.

Это был не тот грубый, панический удар, каким я остановил агента в Пасадене. И не тот слабый импульс, которым я пытался внушить миссис Гринберг желание выпить воды.

Это было что-то среднее — прицельное, холодное, расчётливое. Я вложил в импульс чёткий образ: не боль, не страх, а паралич воли. Полное, всепоглощающее подчинение. Как будто кто-то выключил рубильник его собственных желаний и включил мои.

Байкер замер. Его рука безвольно упала с ручки газа. Глаза остекленели, как у куклы.

Я подошёл ближе. Чужие мысли всё ещё гудели где-то на периферии, но я держал их приглушёнными. Весь фокус был на байкере.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.